

18+

НАДЕЖДА ЖУКОВА

В постели с Врагом

Надежда Жукова

В постели с врагом

<https://litres.ru/74395804>

ISBN 9785007111607

Аннотация

Книга о времени лихих 90-х до стремительных 20-х. Здесь деньги пахнут властью, слово стоит дорого, а доверие бывает опаснее пули.

Это история о любви, вспыхивающей наперекор обстоятельствам, о страсти, способной ослепить, и о цене, которую приходится платить за выбор. О дружбе, которую проверяют не годы, а поступки. О предательстве, приходящем тихо — от тех, кто ближе всех.

Роман о том, как прошлое не отпускает, и о врагах среди нас — тех, кто улыбается рядом, пока готовит удар.

Содержание

ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	33
ГЛАВА 6	40
ГЛАВА 7	51
ГЛАВА 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

В постели с врагом

Надежда Жукова

© Надежда Жукова, 2026

ISBN 978-5-0071-1160-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все герои вымышленные. Ни чего общего с реальностью нет.

Любовь — это слёзы, и это к лучшему: иначе кто мог бы пережить то, что она иногда преподносит!

ГЛАВА 1

Крупные струи холодной воды стекали по моему телу, я чувствовала себя так будто заново родилась, стоя под душем я всё же пыталась смыть с себя всё — усталость, страх, воспоминания. Казалось, если просто стоять так достаточно долго, можно стать другим человеком. Например, начать жить заново.

Но ничего не смывалось.....

Тело дрожало то ли от холода, то ли от всего происходя-

щего казалось, что невозможно смыть всё то, что я пережила....

Промокнув всё тело мягким махровым полотенцем, накинув небрежно на себя пушистый байковый халат, я направилась на кухню варить кофе. Через мгновение вся комната наполнилась чудесным ароматом свежее сваренного кофе. Присватав несколько глотков искушенного напитка, я мысленно оценила его качество, кофе был великолепен. Я опустилась в огромное кресло, уткнулась взглядом в чашку. Пальцы дрожали, обжигаясь о горячее стекло, аромат кофе сводил меня с ума, мысли путались, хотелось плакать и смеяться одновременно. Неужели это произошло со мной? За что? Почему именно со мной? Как жить дальше? В голове всё перемешалось, как в мутной воде. Ярость и злость вдруг сменилась странной милостью. И эта милость оказалась хуже злости: она мешала дышать, мешала ненавидеть, мешала жить.

Веки тяжелели. Я пыталась удержаться, но сон накрыл мгновенно — как темнота, в которую проваливаешься без права на сопротивление. Неожиданно для себя я моментально провалилась в глубокий сон.....

Многие считают меня счастливой, даже более того мечтают о такой жизни как у меня, но как они все глубоко ошибаются. Ведь всё это, все во лишь золотая пыль в глазах окружающих, пустота, туман или мираж, ведь жизнь как коробочка с сюрпризом, не знаешь что внутри, а внутри твоя судьба.

А судьба как злой рок щадит и тут же жалит, даёт и отнимает, она красива и уродлива внутри, весь мир жесток и мы жестоки в этом мире. Нет, нет не считайте меня беспринципной, злой и ненавистной. В моей жизни тоже жила любовь, и я была по истине счастливой. Иногда мне кажется, что моя жизнь разделилась не на «до» и «после», а на «тогда, когда я верила» и «тогда, когда я уже знала».

Я слишком долго считала, что если всё делать правильно — учиться, работать, не влезать в чужие драмы, держать слово и держать себя, — судьба тоже будет честной. Что она не ударит исподтишка.

Я ошибалась.

Самое страшное — что сначала ничто не предвещало. Не было ни грома, ни предупреждений, ни «плохих предчувствий» из кино. Было только счастье — такое убедительное, что ему верили даже те, кто не любил меня. А потом... потом одна маленькая деталь, случайная фраза, взгляд, который я не поняла вовремя, стали первым шорохом под дверью. Тогда я не знала, что шорохи — это тоже сигнал.

В самом начале я была почти счастлива — по-настоящему, по-детски: когда счастье не просит объяснений и не требует страховки. Я уехала из своей малой родины в Москву с одной простой мечтой: стать кем-то. Не «чьей-то», не «при ком-то», а собой — взрослой, самостоятельной, уверенной. Я училась, цеплялась за возможности, не позволяла себе лишнего. И если иногда накатывало одиночество — я

гнала его прочь делами. Меня спасали люди.

В нашей жизни была одна чудная престарелая пара — добрые, внимательные, аккуратные в словах и поступках. Они умели делать дом домом: чтобы в нём было тепло не от батарей, а от человеческого присутствия. Я помню их «кулинарные шедевры» не рецептами — ощущениями: запах свежей выпечки, мягкий свет на кухне, позвякивание ложек, тихие разговоры, в которых никогда не было злости. Я всегда была в восторге. Так далеко находясь от своей семьи, они стали мне настоящей семьёй — настолько похожей на моих маму и папу, что иногда я ловила себя на странной мысли: будто судьба дала мне временную замену, чтобы я не сломалась.

И сейчас, вспоминая их, я думаю: возможно, это была последняя «чистая» часть моей истории. Там ещё не было недосказанности. Там никто никому не улыбался «на будущее».

С моей малой родины со мной рванула и Лера — зеленоглазая рыжая бестия и сумасбродная девица. Лера была как огонь: красивый, яркий, опасный и совершенно непредсказуемый. Она очень быстро нашла себе очередного «папика» и ушла на его полное обеспечение. Только иногда давала о себе знать — сообщением, звонком среди ночи, внезапным появлением. Она могла исчезать надолго, но как бы ни складывалось, оставалась лучшей и верной подругой. Хоть и безрассудной. Лера иногда говорила мне вещи, которые я про-

пускала мимо ушей. В шутку, между делом, как будто просто болтала. А ведь именно такие слова потом вспоминаются — не сразу, не в нужный момент, а тогда, когда уже поздно.

Жизнь моя шла своим чередом. Дом — институт — дом. Встречи с родителями, шашлыки, разговоры о будущем. Всё как-то складывалось. Всё было отлично. Мне казалось, я живу правильно — ровно и спокойно, без обрывов, без опасных высот, которые потом больно терять. И вот в мою размеренную жизнь ворвался он.

Самый красивый и лучший на курсе парень. Бойфренд и ловелас — тот, из-за кого девчонки теряли голову, а потом делали вид, что им всё равно. Когда я поступила в институт «Международных отношений», он его заканчивал, но это не помешало нам встретиться. Встреча получилась случайной только по форме. По ощущениям — она была неизбежной. Сейчас я понимаю: в тот день я должна была заметить одну мелочь. Не его улыбку, не комплимент, не то, как уверенно он держался. Мелочь — в чужих глазах. В том, как кто-то слишком внимательно на меня посмотрел, будто сравнивал с уже известным фактом. Тогда я решила, что мне показалось.

Нашему счастью завидовали все. Мы были самой красивой парой в институте — так говорили. А я... я верила. Потому что хотелось верить.

Я — Эмилиана Брагина, или просто Эмма как все меня называют, Жгучая брюнетка с огромными карими глазами, точёной фигурой и острым умом. Такое сочетание красоты

и ума дано не каждому — даже не пятому и не десятому. И я привыкла к тому, что люди либо восхищаются, либо ищут подвох. Но рядом с ним я впервые перестала доказывать, что я «достойная». Я просто была — и этого будто хватало.

Нашему счастью не было границ. Казалось, так будет всегда.

Владислав Романов, или просто Владик, был любимчиком женского пола и крутил романы направо и налево. У него была репутация — красивая, опасная, громкая. Но только моё сердце заставило забыть его про всех и всё на свете: он впервые полюбил и полюбил меня. По крайней мере, тогда мне именно так казалось.

Цветы, подарки, вечерние прогулки под луной — он всё время пытался меня удивить. Мы очень часто ездили в «Сокольники»: катались на лодке, кормили голубей, смеялись, спорили, строили планы. Посещали выставки, художественные галереи, где мой милый комментировал каждое полотно, демонстрируя мне свой интеллект. Мне нравилось в нём это — умение быть ярким, интересным, уверенным, будто он всегда знает, куда ведёт дорога.

Только иногда — совсем редко — в его уверенности появлялась пауза. Мгновение, когда он будто забывал роль. И я не понимала, от чего он уходит — от воспоминания или от мысли о будущем. Я считала это усталостью. А это, возможно, было совсем другое.

Мы были довольны и безумно счастливы.

Я даже помню наш первый поцелуй — как страстно и в то же время нежно он меня поцеловал. Тогда это казалось безумием. Помню и наш первый сексуальный опыт — сейчас он кажется смешным, неловким, почти наивным, хотя мой избранник был весьма богат на опыт. Всё произошло у него дома. Всё семейство Романовых уехало на дачу, и мы, сделав вид, что Влад готовит меня к выпускным экзаменам, занялись совсем другим экзаменом. Казалось, что счастливее нас нет на свете, и весь мир стал сказкой — красивым явным сном. Иногда я думаю: а если бы тогда кто-то постучал в дверь? Если бы телефон зазвонил не вовремя? Если бы я услышала хоть одно слово раньше? Может быть, многое могло бы сложиться иначе. А может — нет. Может, это уже было запущено. Вскоре мы поженились. Счастью не было предела. Мы пребывали в ожидании маленького чуда — того самого чуда, что так дополняет слово «семья». И по такому великому событию мои родители всё же решили перебраться в Москву к рождению внука. Как же я тогда радовалась... и как сейчас об этом сожалею. Аркадий Александрович Романов был весьма популярной фигурой в городе. Когда-то, ещё при Союзе, он был пресс-секретарём политпарткома, и многое крутилось именно от него. Поэтому, будучи уже не при должности и давно на пенсии, он потихоньку руководил в своём кругу. От той прежней жизни ему достался неплохой кусок: завод по переработке сырья и пара кооперативных, но теперь уже частных автомастерских.

Прекрасная же половина Романовых была слугой искусства — живопись была её коньком. Поэтому мой дорогой Владик так много знал об искусстве.

Романов-старший очень быстро организовал переезд моих родителей в Москву. Помог устроиться отцу в одну из лучших клиник и заселиться в новый загородный дом. Всё шло как нельзя лучше. Мы все были вместе и жили одной большой счастливой семьёй.

И только теперь я понимаю, как опасно звучит фраза «как нельзя лучше». Она будто подбрасывает судьбе идеальную мишень.

Разве тогда я могла подумать, что в один момент всего этого просто не станет? Что я просто останусь одна. Совсем одна.

Дела наши шли в гору. Влад быстро и стремительно поднимался по карьерной лестнице, наше благосостояние росло. И вот — первое испытание, как гром среди ясного неба: безвременно покинула нас мама Влада. На нашем чистом белом листе появилась чёрная полоса. Романовы держались стоя, но я помню, как Влад тихо и в одиночестве плакал по ночам.

Тогда в доме поселилась тишина. Такая, которая не успокаивает — а слушает. Я ловила себя на том, что начинаю присматриваться к людям внимательнее. И чем внимательнее я смотрела, тем больше замечала того, чего раньше будто не существовало: недоговорённость, осторожные фразы, звонки, которые обрывались при моём появлении.

Прошло время, всё вроде улеглось, казалось, можно жить заново. Романов-старший, решив поправить своё здоровье где-то за границей, покинул родные края, взвалив всё на сына, чему Влад был безмерно рад.

А я — почему-то нет. Я не могла объяснить, откуда взялось это чувство. Не страх. Не тревога. Скорее — тонкая царапина внутри, будто я случайно задела что-то острое и не сразу поняла, что пошла кровь.

Знала ли я тогда, что готовит мне судьба? Могла ли думать я об этом? За что? Однажды утром я проснулась от странного чувства внутри, казалось, что, что — то должно случиться, странное чувства не давало мне покоя. Я резко вскочила с постели, Влада нет, где же он? — металось в голове. В последнее время он никогда не оставлял меня одну. Вдруг зазвонил телефон.

— Доброе утро любимая!

— Ты забыла? — голос в трубке был тёплым и счастливым. — Сегодня же особенный день. День нашего знакомства. День, когда судьба подарила мне самый лучший подарок. Тебя, любимая.

Я улыбнулась — и тут же почувствовала, как внутри шевельнулась тревога.

— Нет, милый, я помню. И у меня для тебя есть сюрприз.

— Сначала мой. Я люблю тебя. Ты самая лучшая жена. И ты обязательно будешь самой лучшей мамой для нашего сына.

— Спасибо, родной... — голос предательски дрогнул.

— Я у родителей, на горячее — наши фирменные шашлыки. И ещё тебя ждёт мой главный подарок. Одевайся, я высылаю за тобой машину.

— Мы ждём.

Где-то далеко, в глубине звука, я услышала мамин голос — и папин громкий смех. Разве я могла тогда подумать, что больше никогда его не услышу?

— Алло, милая, — он встревожился. — Ты чего молчишь?

— Как ты себя чувствуешь?

« — Всё хорошо », — сказала я. Но это было неправдой. Слезы сами покатались по щеке.

— Правда хорошо?

— Да... Я скоро буду.

Тревога не отпускала. Машины всё не было, а ждать я больше не могла. Я вскочила в свою «Вольво» и нажала на газ.

Сто километров. Всего каких-то сто километров — и я окажусь рядом с ними. Шашлыки, смех, разговоры... семья.

Рука потянулась к стереосистеме. Слишком тихо. Я включила радио, ловя первую попавшуюся волну.

Ш-ш-ш.....

...чрезвычайное происшествие, с места событий, сегодня утром в загородном элитном посёлке «Зелёные черешки» произошёл взрыв в частном доме. По мнению экспертов —

утечка газа. Есть жертвы. Обнаружены тела трёх человек. Следствие устанавливает личности...

Меня прошиб холодный пот.

— «Это там же».

Я сильнее вдавила педаль. В голове поднялся туман, дорога поплыла. Я почти ничего не видела — только мчалась.

Ш-ш-ш... просьба всех, кто знает что-либо о проживающих по адресу: «Зелёные черешки», дом 75... помочь следствию...

— Что?.. — у меня перехватило дыхание.

— Какой дом? 75?

В голове застучало: семьдесят пять... семьдесят пять... семьдесят пять... Нет. Этого не может быть.

И мир рухнул в один миг: темнота, пустота — и больше ничего.

Потом были дни, которые я не помню. И боль, которой не может быть меры. В той катастрофе я потеряла последнее. Я потеряла ещё не рождённую — но уже живущую во мне — жизнь.

Жизнь перестала иметь смысл. Земля ушла из-под ног, утягивая за собой всё, что было дорого. словно смерч накрыл меня с головой и не оставил воздуха. Я очень долго не могла прийти в себя, и только мои крестные родители поддерживали меня, забрав к себе. Пытаясь заставить меня научиться заново, жить. Шло время, а сердце всё плакало и страдало. Позже мне пришло уведомление из дальнего зару-

бежъя о том, что некий Рэменэв был захоронен на «Вещанском» кладбище под номером 38 и причиной смерти явилось банальное заражение «птичьим гриппом».

ГЛАВА 2

Проснулась я резко — как будто кто-то дёрнул за невидимую нитку. Комната была неподвижной, глухой. Только где-то на кухне оставался запах кофе — терпкий, густой, почти уютный. Я лежала и смотрела в потолок, не решаясь пошевелиться: любое движение возвращало в то, от чего хотелось спрятаться обратно в сон.

Но сон уже отпустил. И вместо него пришли воспоминания — тихие, тёплые, такие ясные, будто это было вчера.

Моё детство пахло маминым мылом и её духами «на выход», чистыми простынями, аптечными травами и папиныными книгами. Папин кабинет был особенным местом: строгим и спокойным. Там всегда стояла тишина, в которой не страшно. Шкафы с медицинскими томами, аккуратные стопки бумаг, настольная лампа — и ощущение, что в этом мире всё можно объяснить и всё можно исправить.

Наш городок был маленький — такой, что его можно пройти насквозь, не успев устать. Мебельная фабрика, дом культуры, фарфоровый завод — и ещё улицы, где все друг друга знают, где любая новость разлетается быстрее ветра. Меня здесь знали как «дочку Брагина». В этих словах всегда было сразу две вещи: уважение — и ожидание. Отец никогда не кричал. Он вообще был человеком не громким. Но когда он смотрел на меня своим спокойным, внимательным взгля-

дом, мне становилось стыдно сильнее, чем от любых слов. И этот стыд был не унижительным — он был правильным, воспитательным. Отец умел требовать так, что ты не ломался, а становился лучше. Иногда он брал меня с собой. Я не заходила в палаты — «рано», говорил он, — но я видела коридоры больницы, видела, как медсёстры пробегают мимо, как взрослые люди говорят вполголоса и быстро, будто боятся потерять секунды. Тогда я впервые поняла: папа не «работает». Он держит на себе чужие жизни. И делает это так, будто иначе нельзя.

Мама была мягкой там, где отец был строгим. Она умела одним движением поправить мне воротник, расправить косичку — и я сразу чувствовала себя защищённой. Она не учила меня быть сильной словами. Она делала это иначе: просто была рядом. Её забота была незаметной, но постоянной — как воздух.

Вечерами мы сидели за кухонным столом. Отец приходил поздно. Мама ставила ужин — простой, домашний — и в этот момент мир становился на место. Они разговаривали тихо, бережно, будто не только меня, но и друг друга боялись ранить. Я слушала их голоса и думала, что так будет всегда: папа будет возвращаться домой, мама будет встречать, а я — расти между ними, в этом тепле.

Иногда отец рассказывал про Москву. Не как про мечту — он не умел мечтать вслух. Он говорил о ней как о большой ответственности: там больше возможностей, но меньше

снисхождения. Я ловила каждое слово и всё равно знала: однажды я уеду. Не потому что не люблю дом. А потому что внутри меня росло желание — самой выбрать свою жизнь, самой доказать, самой добиться.

Родители будто чувствовали это заранее. Они не запрещали, не давили. Только мама иногда задерживала на мне взгляд дольше обычного — словно пыталась запомнить. А отец однажды сказал мне то, что я потом вспоминала в самые разные моменты:

— Красиво жить — не стыдно.

— Стыдно жить чужой ценой.

Тогда я кивнула, как будто всё поняла. А по-настоящему поняла позже — когда жизнь начала выставлять счета.

Я была любимой. По-настоящему. И, наверное, именно поэтому долго жила с ощущением, что, если упаду — меня поднимут. Если ошибусь — мне помогут. Если станет страшно — меня защитят. Я не знала, что однажды наступит такой день, когда страх окажется сильнее защиты. И никто не предупредит. В памяти особенно живёт один летний вечер. Мы шли втроем по улице — я между ними, за руки. Небо было тёплое, закатное, воздух пах пылью и сиренью. Я вдруг сказала, слишком уверенно, почти гордо:

— Пап, я всё равно уеду.

Отец остановился, посмотрел на меня внимательно и спокойно, как будто примерял мои слова к жизни:

— Уедешь. Только помни: главное — не потеряй себя. Всё

остальное можно вернуть. Мама ничего не сказала. Только сжала мою ладонь чуть сильнее. И в этом было столько любви, что мне на мгновение стало неловко — будто я сказала что-то слишком взрослое, слишком окончательное. А потом... я помню одну маленькую деталь. Пустяковую, смешную даже. Мы уже почти дошли до дома, и у подъезда стояли две соседки. Они замолчали, когда увидели отца. Не поздоровались сразу, как обычно. Сначала посмотрели, переглянулись — и только потом кивнули. Отец сделал вид, что ничего не заметил. Мама тоже. А я заметила. Тогда я впервые почувствовала: наш тёплый, правильный мир — не стеклянный шар, не волшебный купол. В него тоже может проникать чужой взгляд, чужая зависть, чужая злость. И от этого почему-то стало холодно, хотя вечер был тёплым.

...Я открыла глаза.

Потолок был тот же. Тишина — та же. И запах кофе — уже почти выветрился. Я медленно села, чувствуя тяжесть в груди, как будто вместе с воспоминаниями вернулась и вся реальность. Руки на секунду дрогнули — не от холода, нет... от понимания, что назад, в то «тёплое», мне уже не вернуться. Я встала и пошла на кухню. Чашка стояла там же, где я её оставила. Кофе остыл. И в этом остывшем кофе было что-то слишком похожее на меня.

ГЛАВА 3

Есть в центре Великого города на самой главной его улице Невском проспекте - знаменитое во все времена кафе. Еще в годы НЭПА, застоя и перестройки славилось оно своими фирменными приготовлениями. Менялись власти, деньги, политическое устройство и даже названия кафе, сейчас оно именовалось «Версаль», но не менялось только традиционно высокое качество «версальских» изысков. У входа в «Версаль», прямо на проезжей части, остановились одна за другой три машины — два чёрных, величиной с небольшой автобус, джипа, а между ними битая и езженная «копейка», чей капитальный ремонт обошёлся бы дешевле покупки нового колеса для одного из джипов.

Дверцы джипов одновременно раскрылись из машины вышли четверо молодых хорошо одетых мужчин, сразу привычным движением расстегнувших пуговицы дорогих пиджаков так что опытный наблюдатель мог заметить ремни наплечных кобур, и остановились, зорко осматривая текущую по Невской толпу. Убедившись, что городские люди не представляют опасности для их подопечного, двое подошли к «копейке» и открыли заднюю дверь.

На неяркое осеннее солнце выбрался высокий худощавый старик. Старик тоже огляделся, но не так, как его спутники, а спокойно, по-хозяйски — как осматривает свой уча-

сток, приехавший после зимнего перерыва владелец шести соток в дачном массиве. Потом поднял глаза в блёклое серое небо, усмехнулся словно довольный увиденным и неспешно направился к входной двери кафе, тщательно обходя лужи и обильный городской мусор.

Это был Фёдор Иванович Карасёв — «смотрящий» по городу и его окрестностям. В бумагах он значился бы пенсионером, а по факту — человеком, который держал в руках то, чего не удержишь ни документами, ни печатями: порядок. Его боялись те, кто привык пугать других. И уважали те, кто давно перестал верить в уважение.

Карасёв и двое его спутников не торопясь пошли через весь зал, почти до служебных помещений и, отдёргнув тяжёлую с кистями портьеру, вошли в скрытую от посторонних глаз комнату — ту самую, которую знающие люди называли между собой «Каморка папы Карло». Комната эта существовала столько же времени, сколько и само кафе, не меняя при этом своего сказочного имени и своего непростого назначения, потому что собирались здесь самые нужные в городе люди, чтобы решать самые нужные для города дела. А сегодня туда пришел Федор Иванович Карасёв — Это Для посторонних — он просто пожилой человек. Для своих — смотрящий по городу и его окрестностям. Та должность, которую нельзя выдать приказом и нельзя «купить». Её либо признают — либо хоронят того, кто попытался взять без спроса.

— Кофе, Фёдор Иванович? — спросил один из мужчин.

— Чайку бы мне.

Мужчина сказал что-то в приоткрывшуюся дверь — и на столе, словно по скатерти-самобранке, появился стакан с крепким до черноты чаем, блюдце с лимоном и ещё одно — с сухариками из домашнего чёрного хлеба. Вкусы дорогих гостей здесь соблюдали строго. Карасёв посмотрел на часы. Лицо его было сухим, натянутым — и в этой натянутости чувствовалась не усталость, а злость.

Первым вошёл Гена Борисов. — глава борисовской группировки. Его в городе знали не по улыбкам и не по красивым речам — Борисов был из тех, кто не играет в артистов. Внешне — крепкий, коренастый, аккуратно выбритый, в дорогом, но незаметном костюме; внутри — цепкий бухгалтер чужих слабостей. Его группировка держала то, что всегда приносит деньги и всегда требует дисциплины: рынки, складские цепочки, «крышу» на перевозках, доли в полулегальных фирмах. Он был не самым громким, зато одним из самых устойчивых: такие переживают бури, потому что умеют быть нужными.

Карасёв поднялся ему навстречу.

— Здравствуй, Гена.

— Здравствуй, дядя Федя, — коротко ответил Борисов и сел так, будто стул мог стать протоколом.

— Кирей где? — резко бросил Карасёв.

— У входа стоит, кури. Сейчас подойдёт.

старик понимающе кивнул Сам он, по врачебному насто-

янию, курить бросал и в своём присутствии другим не позволял. Но по табаку страдал, заменяя его сухариками и мятными леденцами.

Дверь открылась снова.

Вошёл Кирей — Станислав Всеволодович Киреев- лидер колдобинских ОПГ. Он всегда появлялся так, будто заходил не в каморку, а на сцену: осанка, дорогая ткань, аккуратные руки, запах хорошего парфюма. В нём было что-то «из бывших» — то ли спорт, то ли армейская выправка, то ли умение держать лицо. Кирей не любил грязных дел руками — он любил, чтобы всё было «культурно»: через людей, связи, бумаги, долги. Его влияние держалось на районе, на лояльности старых бригад и на умении договариваться там, где другие только ломали.

За ним вошёл Визирь — Николай Иванович Визирьков. Круглолицый, улыбчивый, в плаще и шляпе из коззаменителя, он выглядел почти смешно — как дедок с остановки. Но его «дедок» был обманкой. Визирьков жил долго не потому, что был добрым, а потому, что умел переживать. Он не был бойцом — он был интриганом. Любил схемы, чужие руки и «так, чтобы потом никто не понял, чьё это было». Его люди крутились вокруг мелких игорных точек, «налички», автомоек, крышевания и грязных поручений, которые приличные авторитеты не брали на себя. Визирь всегда оставлял себе возможность сказать: «Я не я, и люди не мои».

— Ну и?! — рывкнул старик так, что чай в стакане дрог-

нул. — Доигрались?! Они замолчали. Не потому что нечего сказать — потому что сейчас говорил «смотрящий». А слово смотрящего в этой комнате было как приговор: можно спорить, но последствия будут быстрее слов.

Те кто знал Карасева, прежде когда, тот ещё носил, погоняло «Карась», знали что раньше когда он в молодой силе был, в такие моменты его нужно было сторониться. Мог изувечить, а то и смертный грех на душу взять — жизни лишить.

Карасёв ударил ладонью по столу.

— Я вас спрашиваю: кто дал команду?! — голос сорвался на крик, хриплый, злой. — Кто решил, что можно без схождения, без слова — людей поднять и шаг сделать?!

Он резко ткнул пальцем в сторону Визирькова.

— Вы, Николай Иванович, шевелиться начали! Ваши... ваши «умельцы»!

Визирьков попытался удержать улыбку.

— Фёдор Иванович, ну ты же знаешь... это не так...

— Закрой рот! — Карасёв рявкнул так, что Визирьков дёрнулся. — «Не так» — это когда ты соль пересоллил! А тут такое! И теперь мне в городе порядок держать!

Он поднялся, навис над столом, и в его старости вдруг проступило то, что когда-то делало погоняло «Карась» опасным: способность в одну секунду перейти от тишины к звёрю.

— Романов... — процедил он. — Он просто много знал. Сказал — и будто плюнул этим «много знал» в воздух.

— Когда-то он был кому-то нужен. Кому-то помогал. Кому-то рот закрывал. Но сейчас... — Карасёв резко махнул рукой, словно отбрасывал ненужное. — Сейчас он стал лишним. И вы решили, что лишнее можно выкинуть, как мусор?! Он стукнул пальцем по столу.

— Только вы не мусор выкинули. Вы камень в воду кинули. Волна пойдёт. Пойдёт, говорю! И каждого заденет!

Кирей сидел, сцепив пальцы, и молчал: понимал, что любовью звук будет либо оправданием, либо вызовом. Гена Борисов смотрел на Карасёва так, как смотрят на человека, который уже принял решение и просто даёт шанс не сделать хуже. А Визирьков впервые за весь вечер стал похож на старика — не на хитрого, а на испуганного.

— Слушайте меня! — Карасёв снова повысил голос, будто хотел перекричать сам город. — С этого момента — никаких движений. Никто никого не трогает без моего слова. Ни по долгам, ни по обидам, ни «случайно»! Кто дернется — того я сам поставлю на место. И неважно, чьи он будет. Он наклонился к Визирькову, почти вплотную.

— А с твоими «людьми» мы отдельно поговорим. Поимённо. Потому что «люди» — это не оправдание. «Люди» — это твоя ответственность. Понял? Визирьков сглотнул и едва заметно кивнул.

Карасёв вернулся на стул, взял стакан, сделал глоток. Руки его всё ещё подрагивали от ярости. Потом он посмотрел на часы ещё раз. Долго. Будто отсчитывал не минуты — судьбу.

— И вот что, — сказал он наконец уже тише, но так, что тишина стала ещё страшнее. — Не думайте, что это всё решится тут и сейчас.

Он поднял глаза на каждого по очереди.

— В город едет человек. Такой, что он не спрашивает — он ставит. Не убеждает — он фиксирует. И если он скажет «так», значит, так и будет. Кирей нервно поправил манжет. Гена Борисов втянул воздух. Визирьков снова попытался надеть улыбку, но она не держалась — сползала. Он отдёргнул портьеру, но на мгновение задержался, не оборачиваясь:

— И запомните. Когда в городе бизнес начинает разговаривать, как власть, — это не бизнес. Это приговор. Портьера опустилась.

А в «каморке папы Карло» повисла тишина — плотная, как табачный дым, которого здесь теперь не было.....

ГЛАВА 4

Его имя не любили произносить вслух. Не из суеверия — в этом кругу суеверия считались слабостью. Просто некоторые имена работают, как спусковой крючок: сказал — и в городе становится теснее.

Про него могли спорить сколько угодно: откуда он, с кем он, за что его уважают. Но спор заканчивался всегда одинаково — тишиной. Потому что там, где появлялся Урмас, лишние слова быстро становились лишними людьми.

Ему было сорок пять. Возраст, когда многие «авторитеты» уже тяжелеют, расслабляются, начинают жить статусом и воспоминаниями. Урмас был другим. Высокий, спортивный, сухой и одновременно мощный — не показной «качок», а человек, в котором сила не для фото, а для работы. Огромные мышцы сидели на нём так, как сидит броня на бойце: функционально, плотно, без лишнего. Плечи — широкие, спина — как щит. Движения — точные, экономные, будто каждое из них стоит денег и времени.

Он был очень красивый. Не сладкой киношной красотой, не глянцем, а той редкой мужской «дороговизной», от которой женщины сначала улыбаются, а потом сами себе не верят. Чёткие линии лица, сильная челюсть, ровные черты, спокойные губы. Глаза — внимательные и холодные, без суеты. Взгляд не просил доверия, он просто фиксировал: кто

перед ним, чем дышит, где слабое место.

Урмас был ухоженный так, что это не бросалось в глаза, а раздражало: аккуратная стрижка, чистая кожа, дорогая неброская одежда, идеальная посадка. От него пахло хорошим парфюмом — сухим, строгим, будто металл и дорогая бумага. Такие детали не делают человека опасным. Они делают его дисциплинированным. А дисциплина в криминале страшнее вспышки ярости.

Говорил он по-русски чисто, но с красивым немецким акцентом: мягко, низким голосом, без спешки. Его «р» звучало иначе, чем у местных, и в этом было что-то, что сразу ставило дистанцию. Он не повышал тон. Не давил криком. Но после его фраз разговор чаще всего заканчивался — потому что начинались действия.

И главное — он был очень умный. Не «хитрый» и не «начитанный», а умный по-настоящему: видел мотивы, считывал людей по паузам, по тому, как они держат руки, по тому, как торопятся согласиться. Он мог молчать минуту — и за эту минуту понять больше, чем другие за сутки разговоров. Ум у него был тихий. Он не спорил ради победы. Он задавал один вопрос — и человек сам начинал путаться в собственных словах. Такой не рождается случайно.

Его мам была русской, ещё В семидесятые, когда «нельзя» было почти всё, она тайно вышла замуж за немца и уехала в Германию. О таких тогда говорили шёпотом: сбежала, предала, продалась. Но жизнь редко объясняет себя слова-

ми. Она просто происходит.

Урмас рос в хорошей семье — не в подвале и не «на рай-оне». Там было тепло, порядок, нормальная школа, книги и привычка держать дом в руках. Но именно в таком доме легче всего видно, что даётся не за красивые глаза, а за труд. Он с детства смотрел, как взрослые работают без жалоб, как считают деньги, как отвечают за решения. И запомнил главное: никто не обязан тебя спасать.

Ещё мальчишкой он решил, что всего будет добиваться сам. Не через просьбы. Не через жалость. Не через «помогите». У него была упрямая, почти болезненная привычка проверять себя. Если говорили «не получится» — он делал. Если становилось тяжело — добавлял ещё. Иногда — просто из злости на собственную слабость.

Он вспоминал одно чувство из детства: школьный двор, чужая страна, вокруг — быстрые слова, которые он не успевает ловить, и взгляд одноклассников, в котором нет ненависти, но есть холодное «ты не наш». Тогда внутри у него включилось решение — не эмоция, не обида. Решение: *я не буду чужим. Я буду сильнее.* Не «лучше», не «добрее». Сильнее. В мире взрослых это всегда понятнее.

В зал он пришёл рано — и остался там надолго. Боевые искусства стали для него не спортом, а системой координат. Сначала — техника. Потом — дисциплина. Потом — характер, затянутый в стальной узел.

Первые успехи пришли быстро: турниры, сборы, победы.

Он становился чемпионом не из-за таланта одного удара — а из-за редкой комбинации: выносливость, спокойствие и жёсткость. В бою он не «заводился». Он работал. И это ломает сильнее любого крика: когда напротив тебя человек, который не злится — значит, ему не нужно злиться, чтобы тебя уничтожить. Была и лихая юность — но не дешёвая, не пьяная. Урмас не был пустым. Он был голодным. Голодным до проверки границ, до результата, до ощущения контроля. Мог после тяжёлого спарринга уйти ночью на пробежку — не «чтобы успокоиться», а чтобы доказать себе: боль — это просто сигнал, а не приказ остановиться.

Ошибки тоже были. Решения на горячую голову. Моменты, когда он выбирал силу там, где можно было выбрать разговор. Но именно тогда он научился главному: отвечать за последствия. Сделал — значит твоё. Никаких «само вышло». Никаких «так получилось».

Потом была служба. Армия. А затем — силовые структуры. Об этом говорили коротко и аккуратно: бывший военный, бывший силовик. Где именно — не уточняли. Не потому что не знали, а потому что знание могло стать лишним. Урмас умел, чтобы лишнего не было.

Служба добавила ему то, чего не даёт даже самый жёсткий спорт: холодное мышление в стрессовой среде, привычку действовать в условиях, где ошибка — это не проигранный бой, а чья-то жизнь. Он научился молчать вовремя. Он научился не оставлять следов. Он научился слышать тишину

— и понимать, что она означает.

И всё равно он оставался тем же мальчиком: *я сам*. Он не любил зависеть. Не любил быть чьей-то пешкой. Не любил, когда над ним есть потолок.

Самое неожиданное было в том, что Урмас мог жить «правильно». У него для этого было всё: семья, воспитание, спорт, карьера, стабильность. Он не был рожден «на улице» и не поднимался через мелкие кражи ради статуса. Но однажды он увидел то, что видят немногие: система не всегда сильнее, она просто громче. А настоящая власть — там, где решения исполняются без подписи.

Он перешёл черту осознанно.

И стал лицом по ту сторону закона.

Не романтиком криминала — романтика ему была противна. Его уважали не за красивые легенды, а за эффективность. Там, где другие разводили «стрелки», он закрывал вопрос. Там, где другие устраивали шоу, он оставлял результат. Он умел превращать хаос в порядок, страх — в дисциплину, разговоры — в решение.

И именно поэтому его боялись как грозу.

Гроза не объясняется. Гроза приходит. Ты можешь спорить с небом, можешь молиться, можешь прятаться — но воздух уже изменился, и ты это чувствуешь кожей.

Самое страшное для местных было даже не то, что он сильный, умный и страшно красивый. Самое страшное — никто толком не знал, под кем он ходит. В этом мире у всех

есть «старший». У всех есть «крыша». У всех есть нитка, за которую можно дёрнуть. А у Урмаса нитки никто не видел. И если нитки не видно — значит, либо она слишком высоко, либо её нет вовсе. Он ехал без сирен, без кортежей, без показухи. Ему не нужно было доказывать статус. Статус доказывали последствия, которые оставались после него. Он не спешил. Спешат те, кто боится не успеть. Урмасу успевать было некуда. Ему нужно было приехать — и сделать так, чтобы чужая грязь перестала быть проблемой города. А чьей она станет — это узнают уже те, кому повезёт остаться и сделать выводы.

ГЛАВА 5

Я проснулась от дикой боли в висках — казалось, голова треснет на куски. Лицо было мокрым от слёз, тело тяжёлым. Нужно было встать и встряхнуться, но силы будто покинули меня.

Пересилив себя, я всё же поднялась. Часы показывали восемь. Самое время выйти — или просто развеяться. Хорошая музыка и немного спиртного... вот что мне сейчас не помешает.

Уже через четверть часа я сидела в маленьком, уютном, хорошо мне знакомом ресторане. Отличная живая музыка, мягкий дым дорогого табака — вот то, что сводило меня с ума. Домой идти совсем не хотелось. Я просто сидела и наслаждалась происходящим. Вся тревога и волнения сразу куда-то улетучились.

Я закурила. Меня даже не смущали пристальные взгляды мужчин, которые бесконечно на меня пялились. Даже становилось смешно: их спутницы, косясь на меня, хмурились и дёргали их.

Одиночество стало моим другом. Нет, я не хочу сказать, что была одна — наоборот, у меня было много подруг и тех, кто хотел быть рядом. Но всё же я была одна. Мысли и воспоминания не давали мне вернуться в прежнюю жизнь, полную счастья и радости. Это было просто невозможно.

Немного захмелев, я решила прогуляться. Расплатившись, я мысленно послала воздушный поцелуй мужчинам, чьи взгляды весь вечер не покидали меня, и направилась к выходу.

Не мешало бы купить сигарет, подумала я.

— А, да... в машине же есть.

И, немного не контролируя свои движения, я пошла к машине. Какой-то балбес-парковщик поставил её так неудачно, что добираться пришлось в темноте, петляя между чужими бамперами. Я облокотилась о капот и стала стремительно рыскать в сумке в поисках ключей.

— Вот чёрт... где же они?

Фонарь над парковкой не горел.

— Ещё и света нет... — пробормотала я. — Ну где же они?..

Я продолжала искать ключи, когда неожиданно услышала чьи-то шаги.

Я притихла. Резко обернулась — и увидела: ко мне приближался огромный силуэт. Я замерла.

Шаги становились ближе. Страх мгновенно проник в тело, а хмель тут же куда-то улетучился. Кричать? Бежать? Что делать?

— Чёрт... — выдохнула я. — Дурацкий ресторан. Вроде приличный, а на парковке света нет...

— Девушка, извините ради бога, — раздался приятный мужской баритон. — Я напугал вас.

— Простите.

Он остановился на расстоянии, не делая резких движений.

— Извините ещё раз...

— Вам помочь?

— А вы именно за этим? — строго ответила я.

Он чуть усмехнулся, но спокойно.

— Вообще-то... мне тоже требуется помощь.

— Что вы хотите? — я собрала всю волю в кулак.

— Так что вам нужно?

— Девушка милая... зачем вы так?

— Да, я девушка, Но не милая, — вырвалось у меня невпопад. Я чувствовала, что говорю глупости, но ничего не могла с собой поделать.

Он подошёл чуть ближе.

— Вы правы...

— вы не только милая. Вы очень красивая.

— Вы решили ко мне подкатить? — я прищурилась. — У вас ничего не получится. Я вообще-то замужем!

— Вообще-то замужем? — он слегка усмехнулся.

— Что вы смеётесь?

— Я сказала что-то смешное? Или вы думаете: если я здесь одна, значит, не могу быть замужем?

— Да нет... что вы.

— Я не хотел вас обидеть.

— Извините.

— Тогда идите вон. Мимо, Куда шли.

Он вздохнул, будто даже с сожалением.

— Разве такое обворожительное создание может так хамить?

— Может, представте себе.

— И вообще — это не ваше дело!

Он постоял ещё несколько секунд, развернулся и стремительно пошёл назад.

— Эй! — неожиданно для себя окликнула я.

— Эй...

— Извини. Я не знаю, как тебя зовут... - подождите.

Он обернулся.

— Отвези меня домой.

Он улыбнулся и кивнул на стоящую рядом «Максиму».

— Ну садитесь.

Я быстрыми шагами подошла к машине. Уже позже я пожурила себя: как можно так просто сесть к незнакомому мужчине в машину, забыв обо всём?

Всю дорогу мы ехали, о чём-то болтая и по-детски смеясь. Но чем дальше, тем яснее я понимала: я делаю что-то не то. Такое безрассудство было мне не чуждо.

Скромным и спокойным голосом я неожиданно прервала его:

— Остановите, пожалуйста, здесь. Мы приехали.

— Здесь?

— Да. Спасибо, что подвезли.

— Это вам спасибо, милое создание.

Я уже взялась за ручку двери, но задержалась:

— Мы даже не познакомились.

Он не повернул головы сразу. Смотрел вперёд, на тёмную улицу, будто проверял что-то в зеркале.

— Это обязательно? — наконец спросил он.

— Вообще-то да, — сказала я.

— Хотя бы имя.

Он усмехнулся почти беззвучно.

— Имя вам ничего не даст.

— Странно слышать такое от человека, который только что вёз меня домой.

— Ещё страннее — садиться в машину к человеку, чьё имя вы не знаете, — спокойно ответил он. — Но вы же сели.

Я почувствовала, как у меня внутри всё сжалось: слишком ровно он говорил, слишком уверенно. Так не разговаривают случайные «подкатчики».

— Тогда кто вы? — спросила я.

Он чуть повернул голову, и я поймала его взгляд — холодный, внимательный.

— Тот, кого лучше не запоминать, — сказал он.

— Это угроза?

— Нет, — ответил он так же спокойно, Совет.

Пауза повисла тяжёлая, липкая.

— Ладно... — выдохнула я.

— Спасибо.

Я открыла дверь, но он вдруг добавил:

— И ещё.

Я замерла.

— Не гуляйте больше одна по вечерам. Не сейчас.

— Почему «не сейчас»? — спросила я, стараясь не показывать дрожь.

Он не ответил. Только коротко кивнул в сторону улицы.

— Видите?

Я машинально посмотрела туда. На противоположной стороне стояла машина. Ничего особенного: обычная, тёмная. Но стояла так, будто её поставили не «удобно», а «правильно».

— Ну и что? — попыталась я отмахнуться.

— Ничего, — сказал он. — Пока.

Я снова посмотрела на него.

— Вы следили за мной?

Он слегка приподнял бровь, будто удивился наивности вопроса.

— Я вас просто подвёз. А вот кто там — вам лучше не знать.

Меня передёрнуло. Я вышла и закрыла дверь.

— Подождите, — сказала я уже через стекло. — Тогда... как мне вас называть?

Он посмотрел на меня спокойно.

— Никак.

И добавил, уже тихо:

— Так будет безопаснее.

Машина тронулась плавно и исчезла за поворотом.

Я стояла у подъезда и смотрела на тёмную улицу. Та машина напротив, не двигалась. Но мне почему-то казалось, что оттуда смотрят. И именно это ощущение — что я случайно оказалась не в своей истории — не отпускало меня ни секунды.

ГЛАВА 6

Не успев войти в дом, я услышала пронзительный телефонный звонок. Взгляд тут же бросился на часы — два ночи. В такое время звонят либо по беде, либо по ошибке.

Я постояла секунду, собираясь с силами, и всё же ответила.

— Алло!

Сначала в трубке был шум — далёкий гул, будто вокзал или аэропорт: объявления, шаги, чей-то смех. И потом — голос, который невозможно перепутать. Чуть хриплый, наглый, живой.

— Алло!

— Эми! Алло! Это ты?

У меня губы сами растянулись в улыбке.

— Да... да! Лерка, ты?

— Ну, чёрт возьми, до тебя не дозвониться!

— Господи... откуда ты? Ты где?

— Ой-ой, конечно я не забыла ещё... а дорогуша, я-то думала, ты и имени моего не вспомнишь.

— Да ты что! Ну ты скажешь? Ты где? Ты в городе?

— Чертовка... звоню ей тут битый час, а она... Шереметьево. Завтра в два. Встретишь?

— Конечно!

Слово выскочило так легко, словно и не было между нами

этих лет. Она хмыкнула — я прям услышала её улыбку.

— Ну всё, дорогая. Завтра и увидимся.

— Лерка... я так рада!

— Ну ладно тебе. Поплачем завтра. Я целую тебя. Всё, пока.

Гудки отрезали её голос, как ножом. Я ещё секунду держала трубку у уха, будто могла вернуть её обратно, если не положу.

Всю оставшуюся ночь я так и не смогла уснуть. В голове крутились две вещи — ожидание лучшей подруги детства и странная, непонятная встреча с «новоявленным поклонником», который появился как будто ниоткуда. Я пыталась отмахнуться, но чем сильнее отмахивалась, тем настойчивее в памяти всплывал его взгляд: внимательный, уверенный, словно он уже всё про меня знает.

Под утро, когда уже расцвело, я всё таки уснула...

Проснулась я от грохота.

Сначала показалось, что кто-то ломится в квартиру. Потом раздалось снова — тяжёлые короткие удары, без пауз, без извинений. Я вскочила, накинула халат, даже не посмотрев на себя в зеркало, и бросилась к двери.

— Кто? — спросила я заспанным, чуть хриплым голосом.

— Служба доставки цветов!

— О-о-о... Господи, не дадут покоя...

— Минутку подождите — взглянув на себя в огромное во весь рост зеркало слегка поправив волосы и запахнув ха-

латик, мысленно оценив, что и утром и даже с похмелья, я как всегда хороша. Улыбнувшись своему отражению, я поспешила открыть дверь.

На пороге стоял молодой курьер — слишком юный, слишком бодрый. В руках у него был букет: дорогой, плотный, собранный со вкусом.

— Здравствуйте! Это вам! Распишитесь, вот тут, надо расписаться.

Я приняла букет и нахмурилась.

— А вы случайно адресом не ошиблись? — спросила я, чуть кокетничая, больше от раздражения, чем от флирта.

Парень ухмыльнулся:

— Да вы что. Я сто лет в этой службе. Дом знаю хорошо. В вашем подъезде богачи живут, но одни старики или дети... а вот такая красивая тут только одна.

— Некрасивых женщин не бывает, — парировала я.

— Не так ли?

Он посмотрел на меня как кот на сметану и улыбнулся ещё шире.

— Всё равно. Берите и расписывайтесь. Это точно вам.

Я поставила подпись, бросив взгляд на бейдж.

— Спасибо, Кирилл.

— До свидания, — сказал он и как-то странно улыбнулся, задержав взгляд на мне лишнюю секунду.

Я закрыла дверь резко — не хлопнула, но так, чтобы было понятно: разговор окончен.

Букет пах свежестью и дорогим магазином, но под этим запахом было что-то другое — чужое присутствие.

Я поднесла букет к лицу, вдохнула — и увидела записку: *«Самому прекрасному созданию»*.

Меня осенило мгновенно: это от того самого незнакомца, который подвёз меня вечером. От человека, чьё имя я даже не узнала — потому что не хотела продолжения. И тут же в голове вспыхнуло второе, самое неприятное:

Как он узнал, где я живу? Вопрос повис, как паутиная нить.

И словно в ответ — в гостиной пробили старинные часы, бабкины, дворянские. Полдень. Звук был такой, будто дом сам напомнил: хватит думать, пора бежать.

— О-о боже... Лерка!

Через час я уже мчалась в Шереметьево, с одной мыслью: только бы не опоздать.

В аэропорту толпа жила своей жизнью: объявления, катящиеся чемоданы, люди с уставшими лицами, кто-то смеётся, кто-то ругается. Я выхватывала взглядом лица — и не могла найти одно-единственное.

Сколько времени... сколько же мы не виделись...

Мои мысли оборвались внезапно.

Прямо на меня надвигалась девица — уже далеко не юная, ярко размалёванная, в короткой юбке, оттягивающей стройные ноги. Она шла уверенно, как будто всё вокруг — декорация. И улыбалась во весь рот, глядя прямо на меня. И только

когда она подошла ближе, я поняла: это и есть Лера. Та же самая — и совсем другая.

Она стала громче, смелее, «дороже» на вид. Волосы — рыжие, плотные, уложенные идеально. Макияж — яркий, но умелый: стрелки, ресницы, губы, которые сразу заявляют о себе. Запах духов — сладкий, тёплый, с тяжёлым шлейфом, как вечер в ресторане. На ней было всё то, что мужчины любят глазами. Но в её взгляде всё ещё жили наши дворы, наша школа и тот самый смех, который не ломается никакой взрослой жизнью.

— Эмка, ты? — она даже не дала мне опомниться. — Ты как всегда хороша... и ни капельки не изменилась!

И тут же обняла меня так крепко, будто возвращала себе часть прошлого.

— Лерка... — только и выдохнула я, чувствуя, как горло перехватывает.

— Ой, не начинай, — фыркнула она. — Я ж сказала: поплачем завтра.

Мы смеялись и разглядывали друг друга, как будто проверяли: настоящая или нет. Потом началась комедия с её багажом: огромные сумки, чемоданы, пакеты — как будто она не прилетела, а эвакуировалась.

— Ты куда это всё? — ахнула я.

— К тебе я не поеду, — заявила она сразу, как будто ждала моего вопроса. — Я в гостиницу.

— Да ты что?!

— Эмочка, — Лера закатила глаза, — я рассталась с очередным «моим», Мне надо пару дней пожить так, чтобы никто не знал, где я. Понимаешь? Номер уже забронирован.

Вот так, между делом, она сказала главное. И я вдруг увидела: под её яркостью прячется усталость. Усталость женщины, которую слишком часто «держали» вместо того, чтобы любить.

Мы посадили её в такси, доехали до гостиницы, разгрузили чемоданы. На прощание она чмокнула меня в щёку, чуть отстранилась и сказала уже серьёзнее:

— Вечером — я к тебе, Будем восстанавливать дружбу. По-настоящему.

— То есть пьянка? — уточнила я.

— То есть шампанское, — торжественно поправила она.

— Много.

К вечеру я суежилась по дому, как перед праздником. Достала бокалы — нормальные, не «на каждый день». Нарезала сыр, кинула виноград в миску, достала шоколад, орешки. Всё подряд. Я знала нас: если будет пустой стол — будет пустая голова, а нам в эту ночь хотелось наоборот.

Букет стоял на кухне и будто следил за мной. Красивый. Дорогой. Неуместный. Звонок в дверь прозвучал так, будто судьба пришла без приглашения. Лера влетела внутрь, скинула куртку, сразу нашла кухню и, не разуваясь до конца, уже открывала шкафчики взглядом.

— Где шампанское, Эмка?

— Даже «привет» не будет?

— Привет будет, когда пузырьки пойдут в голову, — заявила она и улыбнулась той самой наглой улыбкой, от которой у меня всегда начинались приключения.

Первая бутылка открылась с выстрелом. Пробка ударила в потолок, а Лера победно подняла бокал:

— За встречу. За то, что мы живые. И за то, что мужчины — временно.

— А мы вечны? — усмехнулась я.

— Мы, упрямые, — сказала она. — Это важнее.

Шампанское пошло легко — слишком легко. Мы говорили быстро, перебивая друг друга, будто пытались залатать годы одним вечером. Лера рассказывала про своего «папика» — богатого, ревнивого, уверенного в том, что покупка равна праву.

« — Он хотел, чтобы я была красивой тишиной», — сказала она и резко сделала глоток. — Понимаешь? Не женщиной. Не человеком. А тишиной рядом.

— И ты ушла.

— Конечно, ушла. Они сначала дарят свободу, а потом предъявляют чек.

Вторая бутылка открылась почти сразу. Музыка стала громче. Мы смеялись, вспоминали школу, мальчишек, глупости, из-за которых тогда казалось — конец света. Лера танцевала босиком на кухне, бокал в руке держала как микрофон, и я снова видела в ней ту девчонку, которая могла пе-

ревернуть любой вечер.

И именно тогда она заметила букет.

Остановилась, подошла, вдохнула запах, взяла записку и прочла вслух, растягивая слова:

«Самому прекрасному созданию...»

Она посмотрела на меня.

— Это что? Я почувствовала, как внутри снова натягивается неприятная нитка.

— Это... от незнакомца. Вчера вечером подвёз меня.

— Подвёз... Лера прищурилась.

— И теперь знает твой адрес?

— Да, Вот именно.

Лера на секунду стала серьёзной. Не театрально — по-настоящему.

— Эмми... ты уверена, что он случайный?

— Я даже имени не знаю, — сказала я.

— Тем хуже, — тихо ответила Лера. И тут же, чтобы не рушить настроение, резко улыбнулась: — Ладно. Сегодня — шампанское. Завтра — параноя. Мы выпили ещё. Потом ещё. Третья бутылка открылась уже без торжественности, просто потому что «так надо». Мы сидели на полу у дивана, ели виноград руками, смеялись так, что болели щёки. Лера положила голову мне на плечо и вдруг сказала совсем спокойно:

— Я скучала. Очень.

Я обняла её и прошептала:

— Я тоже.

И в этот момент — почти одновременно — на кухне, там, где стояли цветы, что-то тихо щёлкнуло. Я не сразу поняла, что это: может, стекло в вазе, может, радиатор, может, просто дом.

Но мне вдруг стало неуютно.

Слишком красиво всё складывалось: Лера — внезапно, букет — внезапно, незнакомец — слишком вовремя. И я почувствовала кожей то, что чувствуют перед грозой: воздух становится тяжелее.

Лера подняла голову, в её глазах снова вспыхнула привычная наглость.

— Всё. Хватит грусти.

— Давай ещё по бокалу — и ты мне расскажешь про него. В деталях. Как он смотрел. Что говорил. Какой был голос.

— Лера...

— Эмми, — перебила она, — мне после «папика» нужны эмоции. Или свои, или чужие — без разницы.

Мы снова засмеялись. Пузырьки щекотали горло, музыка делала ночь лёгкой, и казалось, что мир снова наш.

Но под смехом уже жила другая мелодия — едва слышная. Та самая паутинная нить.

Когда время давно перевалило за полночь, Лера вдруг встала, поправила волосы перед зеркалом, как будто в ней переключился какой-то внутренний режим, и сказала:

— Всё, Эмка. Я поеду.

— Ты серьёзно? Оставайся, — я поморщилась. — Утром кофе...

Лера подошла, взяла моё лицо в ладони и посмотрела прямо, очень трезво, хоть шампанского в ней было не меньше, чем во мне.

— Я не потому не остаюсь, что не хочу. Я потому не остаюсь, что так надо. После «них» неприличным жестом она показала на мужское мне нужно место, где я закрываю дверь сама. А ещё... — она кивнула в сторону кухни, где стояли цветы, — у тебя тут какие-то незнакомцы с адресами. Я лучше посплю там, где охрана и камеры.

Я вдруг почувствовала, как внутри всё холоднее на секунду. Потому что она сказала вслух то, что я пыталась не признавать.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Только напиши, как доедешь.

— Напишу. И завтра созвонимся, — она чмокнула меня в щёку. — Спасибо за вечер. Я скучала, Эмка. Реально.

— И я, — ответила я.

Мы вызвали ей такси. Я проводила её до двери, постояла на лестничной площадке, пока лифт не закрылся, и вернулась в квартиру, где после её смеха осталась только тишина.

Но тишина была не пустой. Она была тёплой, как одеяло.

Я закрыла дверь на замок, опёрлась спиной и улыбнулась: встреча состоялась. Я дождалась. Я не потеряла её.

Пьяная и довольная, я пошла в ванную. Душ зашипел, го-

рячая вода ударила по коже, и вместе с водой с меня будто стекали весь день, весь шум, вся суета, все лишние мысли. Я стояла с закрытыми глазами и пыталась прийти в себя: дышать ровнее, вспомнить, что завтра — новый день, и мне нужно быть человеком.

Вышла из душа, накинула чистую футболку, прошла в спальню. В квартире пахло шампанским, духами Леры и цветами — слишком красивыми, слишком чужими.

Я легла и уткнулась лицом в подушку. Перед глазами всплывала Лера — яркая, наглая, родная. Её смех. Её фразы. Наши обрывки разговоров. И где-то на краю сознания — тонкая нитка тревоги из-за букета и незнакомца, который почему-то знает мой адрес.

Завтра, — подумала я. — Разберусь завтра.

И наконец-то, с этим сладким чувством встречи и с головой, полной впечатлений, я провалилась в сон — тёплый, крепкий, как обещание нового дня.

ГЛАВА 7

Огромная, волосатая рука лежала на полированном столе — тяжёлая, спокойная. Пальцы мерно стучали по лаку, как метроном: не от нервов, а от привычки держать ритм. Карасёв умел ждать. И умел так ждать, что другим становилось не по себе.

На столе — телефон. Экран смотрел вверх, как глаз, который не моргает.

Тук... тук... тук.

Карасёв не торопился брать трубку, хотя звонок уже должен был прозвучать. Он и без звонка знал, что он будет. Вопрос был только в том, какими словами напомнят о том, что времени осталось мало.

Экран вспыхнул. Короткая вибрация.

Карасёв поднял телефон и ответил сразу — без «алло», без лишних прелюдий:

— Слушаю.

В трубке раздался голос — властный, густой, Кавказский. Такой голос не просит. Такой голос обозначает рамки.

— Фёдор Иванович?

Карасёв чуть улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз.

— Здравствуй, дорогой. Как здоровьице ваше, не шалит?

— Здоровье... — в голосе собеседника мелькнуло раздражение, будто эта вежливость была лишней роскошью.

— Ты понимаешь, почему я звоню.

Карасёв молчал. Он позволял людям выговориться. Люди на эмоциях говорят больше, чем планировали.

— Ты пойми, — продолжал властных Кавказский акцент — Люди нервничают. А ты... ты всё тянешь.

Карасёв спокойно посмотрел на свой стол, на ровную кромку дерева, на точку света от лампы.

— Никто не тянет, — сказал он. — Я держу ситуацию.

— Ситуацию держат, когда всё идёт, — жёстко ответили в трубке. — А у нас оно стоит. И время... Фёдор Иванович, время — оно не твоё. У тебя его почти нет.

Пауза. В ней было слышно, как собеседник решает: надавить сильнее или перейти к главному. Карасёв не помогал ему — не задавал вопросов. Он и так знал, что сейчас прозвучит.

И оно прозвучало.

— Слушай внимательно. **Немца встретишь.** Понимаешь о чём я?

Карасёв сдвинул телефон ближе к уху.

— Не просто «встретишь». Ты обеспечишь ему **зелёный свет**. Везде. От аэропорта до двери. От двери до любого человека, которого он захочет увидеть.

Карасёв не перебивал приказной тон в трубке.

— Шульц, — продолжил голос, и фамилия прозвучала как короткий удар. — -Он прилетает не «Чвачхару» с тобой пить. -Он прилетает, потому что надо,

он этот бардак уберёт. Он найдёт эти Чёртовы документы. Карасёв медленно постучал пальцем по столу один раз.

— В курсе, — сказал он. — Жду.

На том конце облегчения не было. Только холодная деловитость.

— Хорошо, что жду. Тогда слушай дальше. **Ты ему не мешаешь.** Никто из твоих ему не мешает. Ни советами, ни охраной «впритык», ни вашим любопытством.

— Он будет под моим контролем, — ровно сказал Карасёв.

В трубке сразу стало тише. И опаснее.

— Фёдор Иванович, не перепутай. Не он под твоим контролем. Это ты сейчас под... — собеседник сделал паузу, подбирая слово, — под ответственностью.

Он сам всё будет решать. И он же будет **чистить за вами**, если вы где-то накосячили. Понимаешь, что это значит?

Карасёв не моргнул.

— Понимаю.

— Это значит: если он начнёт «чистить», он не будет разбираться, кто случайно, а кто специально. Он будет резать по живому, чтобы наверняка.

Поэтому: встреча — без шума. Без понтов. Без людей, которые хотят «показаться». Ему нужна тишина.

Карасёв положил вторую руку на стол, сцепил пальцы.

— Будет тишина.

— И ещё, — голос стал совсем деловым. — Не звони мне

по мелочам. Вообще не звони. Сделай всё на месте. Ты понимающий человек.....

— Мы все люди занятые.

Карасёв тихо усмехнулся.

— Я понял, дорогой.

— Тогда повтори, — потребовал голос.

Карасёв произнёс медленно, как протокол:

— Встречаю Шульца. Обеспечиваю зелёный свет. Люди не мешают. Он решает. Он чистит.

Пауза. В ней было слышно удовлетворение — не тёплое, а служебное.

— Молодец, — сказал кавказский властный тон — Шульц сегодня. Внуково. Семнадцать ноль-ноль.

— Встретим, — коротко ответил Карасёв.

— И запомни, Фёдор Иванович... — голос на секунду стал почти ласковым, но это была ласка ножа перед работой.
— Делай дело, и головы останутся на плечах.

Связь оборвалась.

Карасёв ещё пару секунд смотрел на тёмный экран телефона, будто ожидал, что он снова оживёт и скажет то, что обычно не говорят вслух. Потом положил аппарат на стол и встал.

Он знал, кто такой Шульц — по слухам, по делам, по тем местам, где после него оставалась идеальная тишина. Но больше всего Карасёву не нравилось другое: Шульц никогда не приезжал «навести порядок». Он приезжал, когда поря-

док уже не нужен — когда нужен **пример**.

Карасёв нажал кнопку на внутренней связи.

Через минуту дверь открылась, и в кабинет вошёл тот самый человек — ровный, собранный, с лицом без эмоций.

— Слушаю, Фёдор Иванович.

Карасёв не стал объяснять долго:

— Сегодня Внуково. Немца встречаем. Фамилия — Шульц. Семнадцать ноль-ноль.

Мужчина кивнул.

— Состав?

— Минимальный. Только проверенные.

Без суеты. Без кортежей. Без «здравия желаю».

Он должен почувствовать, что здесь ему не мешают. Но и не теряются.

— Маршрут?

— Три. Основной, резерв, ложный. Ложный — пусть уходит первым.

— Машина?

— Чистая. Не наша. Номера свежие.

Мужчина помолчал секунду, затем осторожно спросил:

— Сопровождение впритык?

Карасёв поднял взгляд.

— Впритык — нельзя. Он сам выберет, кто рядом.

Мы — периметр. Мы — тень. Понял?

— Понял.

Карасёв добавил, уже жёстче:

— И ещё. Никто к нему не лезет. Ни здороваться, ни «познакомиться», ни спросить «как долетели».

Кто полезет — вытащишь из строя сам. Мне не нужен герой.

— Сделаю.

Мужчина уже собирался выйти, но Карасёв остановил его короткой фразой:

— И подготовь место. Нейтральное. Два выхода. Камеры. Охрана объекта.

Он будет решать сам — но **спать он должен там, где я знаю стены.**

— Понял, Фёдор Иванович.

Дверь закрылась.

Карасёв снова остался один и подошёл к окну. Город внизу казался обычным. Слишком обычным. И от этого становилось тревожнее: в такие дни страшные вещи происходят среди обыденности — между кофе и пробками, между рейсами и звонками.

Карасёв посмотрел на часы.

До семнадцати ноль-ноль оставалось несколько часов.

Он мог бы сейчас расслабиться, налить себе коньяка, улыбнуться своей уверенности.

Но Карасёв не улыбался.

Потому что где-то внутри свербело: если Шульц «будет чистить», то чистить он начнёт не там, где ожидают. И не с тех, на кого показывают пальцем.

А самое неприятное — Карасёв вдруг поймал себя на мысли, что этот «немец» может прилететь не по чьей-то просьбе, а потому что **кто-то уже дал ему повод**.

И если повод — не наш.....

Тогда сегодня в семнадцать ноль-ноль во Внуково прилетит не человек.

Прилетит решение.

И вопрос лишь в том, чьё имя станет первым в его списке.

Карасёв посмотрел на часы. До семнадцати ноль-ноль оставалось несколько часов. Много — если ты обычный человек. И ничтожно мало — если ты ждёшь того, кто приезжает «чистить».

Он снова взял телефон. На этот раз — без пауз, без театра. Выбрал контакт и нажал вызов.

Визерьков ответил быстро, будто сидел с телефоном в руке.

— Да, Фёдор Иванович?

Карасёв говорил ровно, как по списку, но в каждом пункте был скрытый смысл: не угодить — не вариант.

— Визерьков, слушай внимательно. Немец сегодня будет. После встречи — никакой самостоятельности, всё по моему сигналу.

— Понял. Что нужно?

— Нужно, чтобы у него был правильный досуг. Накрыть по высшему классу: еда, питьё, тишина. Без лишних глаз.

Полный фарш.

— Куда везём?

— В «Версаль». К нам. Там всё под контролем. Кабинет, вход закрыть. Чтобы ни одной случайной морды.

— Принял.

Карасёв не менял тона, но слова становились жёстче.

— Девочки нужны. Не поток. Нормальные. Ухоженные. Без разговоров.

Телефоны — в сторону. Никаких фото, никаких «историй». Чтобы умели молчать и не запоминали фамилии. Понял?

— Понял. Сколько?

— Две-три. Может четыре — на всякий. Чтобы выглядело богато, но не как ярмарка. И все — чистые, проверенные.

— Сделаем.

— И подтягивай Стаса и Кирея, — добавил Карасёв. — Пусть будут рядом, но в тени. Чтобы немец видел: всё организовано, но ему не дышат в затылок.

— Стас и Кирей будут. По охране подтянуть?

— Минимум. Только железо. И никому не говори, кто приезжает. Даже своим. Скажешь: гость. И всё.

— Принял, Фёдор Иванович.

Карасёв помолчал секунду и произнёс то, что было самым важным:

— Нам нужно, чтобы он остался доволен. Он не для развлечений прилетает, но пусть у него будет ощущение, что

здесь умеют уважать.

Если захочет — будет всё. Если не захочет — никто не лезет. Никакой инициативы. Он скажет — вы сделаете.

— Всё будет ровно.

— Жди сигнала, — сказал Карасёв и отключился.

Экран погас.

Карасёв положил телефон на стол и задержал ладонь на корпусе, будто проверял — не дрожит ли рука. Рука не дрожала.

Но внутри было ощущение, как перед приездом врача, который не лечит — а решает, кого ещё можно вытянуть, а кого проще списать.

Он подошёл к окну. Город внизу казался обычным: машины, люди, витрины. Никто не знал, что сегодня в семнадцать ноль-ноль во Внуково прилетит человек, после которого сроки перестают быть сроками и становятся последним шансом.

Карасёв смотрел на улицы и думал о том, что больше всего его пугает даже не сам Шульц.

Пугает то, что Шульца прислали не «навести порядок», а **закрыть вопрос.**

А когда вопросы закрывают таким способом — кто-то обязательно остаётся по ту сторону двери.

Он перевёл взгляд на часы.

Семнадцать ноль-ноль приближалось.

И с каждой минутой всё яснее было одно: «зелёный свет»

— это не про комфорт. Это про то, чтобы Шульц нигде не встретил сопротивления.

Ни в аэропорту.

Ни за столом.

Ни тогда, когда начнётся то, ради чего он на самом деле прилетает.

ГЛАВА 8

Накрасив губы ярко-красной помадой и улыбнувшись своему отражению, я вновь отправилась навстречу неизбежному. Только теперь, чтобы не поддаться Леркиным уговорам, я была за рулём. Это был мой железный аргумент — холодный, надёжный, как ключи в ладони. На этот раз мы решили провести время в уютном ресторане на Невском. Место было удивительное — спокойное и красивое, будто созданное для признаний. Мягкий свет ложился на столики тёплыми пятнами, на бокалах дрожали золотые искры, а в воздухе смешивались запахи ванили, свежего хлеба и дорогих духов. Где-то в глубине зала звучала классическая музыка — так тихо и так правильно, словно она не играла, а дышала.

Ресторан славился по всему городу, но при этом сюда не был вхож простой люд. Здесь встречались партнёры, решались дела, делались предложения, сюда приходили люди искусства — слушать живую музыку и пробовать блюда, о которых потом говорили шёпотом. И поговаривали ещё кое-что: что это место — тихое логово тех, чьи имена произносятся не вслух. Будто сюда приходили не только за вкусом, но и за невидимыми договорённостями.

Мы устроились в укромном уголке: сцену было видно отлично, всех присутствующих тоже — а нас, наоборот, почти

не было видно. Мне нравилось это чувство маленькой тайны, спрятанной в шумном зале.

К нам сразу подошёл официант — улыбнулся так, как улыбаются людям, у которых принято брать чаевые не за услугу, а за настроение, — поблагодарил, что мы выбрали именно этот ресторан, и протянул меню. Лера взяла его и стала внимательно изучать, поджав губы.

— Да... ну и цены тут.

— Хотя знаешь, — тут же добавила она, — в Европе тоже цены — дай боже.

Мы заказали фрукты, молочный коктейль и бутылку дорогого виски. Лера, как всегда, хотела «красиво». Я — просто «спокойно». Мы снова говорили о прошлом, смеялись, спорили, вспоминали, перебивали друг друга — как будто старались заглушить то, что не хотелось признавать: с приездом Лерки моя жизнь перестала быть ровной.

К середине вечера зал заполнился. Свободных столиков не осталось.

Был вечер романсов.

На сцене стояла белокурая девушка в национальном костюме. Свет подчеркивал её тонкую шею, а голос был чистым — таким, что хотелось замолчать и слушать, как слушают в детстве сказку. От её пения внутри становилось мягко, словно невидимая рука разглаживала тревогу.

Лера же к тому времени слегка захмелела и почувствовала себя свободнее. Ей до безумства захотелось танцевать, и поз-

же я пожалела сотню раз, что привела её именно сюда. Нужно было вести её в клуб — там эта энергия была бы уместнее. Здесь же Лера сияла слишком ярко, как искра рядом с порохом.

Она приподняла свою изящно изогнутую бровь и стала бродить взглядом по столикам. Осмотрела зал — всех и вся — и вернулась ко мне с унылым лицом.

Я поймала себя на странной мысли: неужели Лера никого не заприметила? Это было настолько не похоже на неё, что мне на секунду стало не по себе.

— Эмка, знаешь... а давай споём? — вдруг сказала она, наклоняясь ближе.

— Да ты что?

— А что? — её глаза блеснули. — Помнишь, как мы романсы пели? И, между прочим, первые места в школьных концертах брали.

— Лер, ну брось... — я пыталась говорить мягко, но внутри уже поднималась паника. — Ты не в Европе, где людям всё можно. Ты же знаешь, здесь запросто может быть пресса. Представь заголовок: «Пьяные девицы разгромили элитный ресторан».

Лера на секунду сделала вид, что задумалась, потом махнула рукой:

— Ну ладно... тогда выпей со мной.

— Нет, дорогая, сегодня я не пью. Хватило вчерашнего разгулья — еле в кучу собралась. И ты забыла: я за рулём.

Она рассмеялась тихо, почти ласково:

— Да перестань. Здесь парковка. Ничего, если твоя радость заночует не дома.

И, не спрашивая, обернулась к официанту.

— Махито принесите, пожалуйста. И ещё меню, — приказным голосом скомандовала она.

И тут — будто в ответ на её желание — ведущий объявил, что в ресторане начинается вечер караоке по русской классике.

В глазах Леры вспыхнули огоньки.

— О, господи... — вырвалось у меня.

После очередной порции махито и пары песен, исполненных так, что мне захотелось закрыть уши, стало совсем скучно.

— А может, споём? — снова спросила Лера.

— Нет, — строго ответила я.

— Ну почему нет?

И неожиданно для меня Лера вскочила и направилась к сцене.

«Ну всё. Позора нам не миновать», — подумала я и поспешила за ней — не чтобы поддержать, а чтобы остановить.

Но Лера уже поднялась на сцену. В этот момент мне показалось, что всё это — кадр из «Бриллиантовой руки»: сейчас она начнёт, зал захохочет, а потом станет хлопать.

Так и вышло.

Как только Лера ступила на сцену, зал поддержал её бур-

ными аплодисментами. Она улыбнулась — широко и победно.

— Вечер добрый, дамы и господа! Меня зовут Валерия, и сегодня, в этот чудесный вечер, я хочу...

Пауза была вкусной, театральной.

— Хочу, чтобы моя подруга спела вам. И, конечно же, мне. Вы послушайте — вам очень понравится!

От этих слов я чуть не рухнула на месте. Этого я никак не могла ожидать.

Ко мне тут же подошёл аккомпаниатор — спокойный, улыбочивый — и вложил в руки микрофон. Он был прохладным, и этот холод внезапно вернул меня в реальность.

Зазвучали первые аккорды.

— **Зацвели вдруг сады.....** — тонким и пронзительным голосом запела я.

И будто кто-то накрыл зал прозрачным стеклом тишины: стихли бокалы, перестали шуршать меню, даже музыка, казалось, затаила дыхание, чтобы не мешать. Я слышала только свой голос — чуть дрожащий, но живой — и то, как он разливается по пространству, цепляясь за бархатные стены, за тёплый свет ламп, за лица незнакомых людей.

Слова текли мягко, как тёплое молоко. И в каждом было что-то личное, будто я пела не романс, а свою тайну — не кому-то конкретному, а самой судьбе.

Когда песня закончилась, я на секунду застыла, боясь пошевелиться, будто одним движением могла разрушить то

хрупкое волшебство, которое вдруг случилось.

А потом зал взорвался аплодисментами.

Я подняла глаза и увидела людей: они улыбались — не насмешливо, а благодарно. И среди толпы, прямо ко мне, шёл мужчина.

До безумства красивый. Высокий, уверенный, будто сама музыка уступала ему дорогу. Подойдя, он протянул мне руку. Я машинально вложила свою ладонь в его — и он бережно поднёс её к губам, коснувшись поцелуем.

Нежно. Почти благоговейно.

Я взглянула в его глаза — и замерла: там было всё сразу — океан и буря, спокойная глубина и ураган на поверхности. Нежность и любовь. Смелость и отчаяние.

Другой рукой он поднёс к моему лицу бутон красной розы.

— Вы так прекрасны, Это вам.

От происходящего я словно оцепенела. И в эту секунду ко мне подлетела Лера — счастливая, шумная, слишком живая.

Если бы не мужчина, который так крепко и надёжно держал мою руку, я бы, наверное, задушила эту чертовку одним взглядом.

Лера, уже с бокалом шампанского, кружила рядом и сияла:

— Ну всё! Теперь ты обязана! — шепнула она, но так громко, что я слышала только свою кровь в ушах.

Мы втроём вернулись к столику. Я не могла оторвать

взгляд от его глаз — он словно колдовал, тянул куда-то далеко, туда, где нет границ и правил.

— Меня зовут Урмас, — сказал он, и я снова уловила странный мягкий акцент.

— Урмас.

— А вы что, француз? — сразу же ляпнула Лера.

Он едва улыбнулся:

— Нет, Я немец.

— У вас красивое имя, — пропела Лера и подняла бокал.

— За удивительное знакомство!

Мы приподняли бокалы. Я почти не почувствовала вкуса — только лёгкое покалывание на губах и ощущение, что рядом с ним всё становится слишком настоящим.

Заметив, что внимание Урмаса приковано не к ней, Лера быстро занялась поиском собственного счастья. Мы всего на минуту отвлеклись — и обнаружили, что она уже устроилась за соседним столиком в объятиях очередного «папы», смеясь так, будто знакома с ним вечность.

Урмас наклонился ко мне:

— Позвольте, я отвезу Вас домой?

Я машинально поймала взглядом Леру — и внутри кольнуло беспокойство.

— Не переживай. С ней ничего не случится. Я об этом позабочусь. Это мои друзья.

Он сказал это так уверенно, что спорить стало трудно.

— Пойдём. Я отвезу тебя, — повторил он.

— Спасибо...

Он крепко взял меня за руку.

Казалось, всё это происходит не со мной. Будто я смотрю кино, где героиня — другая. Через несколько минут мы были у дома.

Урмас вышел, открыл мне дверь, и когда я ступила на землю, он нежно прижал меня к своей груди. Так близко, что я слышала его дыхание и спокойный стук сердца.

Он вложил в мою ладонь тот самый бутон красной розы.

Я подняла глаза — и вдруг увидела: окно... и эта роза на окне... словно строка из стихов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.